

Сергий Булгаков

София – Премудрость Божия

Очерк софиологии

Подготовка текста и комментарии

А. П. Козырева, Регулы М. Цвален и Барбары Халленслебен

Под редакцией

Барбары Халленслебен и Регулы М. Цвален

Издано при поддержке Совета (Hochschulrat)
Университета Фрибурга (Швейцария)

Фотография на обложке:

Сотворение мира (Быт. 1:1–2). Фрагмент фрески монахини Иоанны (Рейтлингер), созданной по мотивам лекций о. Сергия Булгакова об Апокалипсисе Иоанна для часовни Содружества св. Албания и прп. Сергия в Лондоне (1946–1948).

Satz: Institut für Ökumenische Studien, Universität Fribourg
Cover: Aschendorff Verlag

1. Auflage 2026

© Aschendorff Verlag GmbH & Co. KG
Soester Straße 13
D-48155 Münster
buchverlag@aschendorff-buchverlag.de
www.aschendorff-buchverlag.de

Произведение охраняется авторским правом. Все соответствующие права, в частности права на перевод, перепечатку, извлечение иллюстраций, радиовещание, воспроизведение фотомеханическими или аналогичными средствами, а также хранение в системах обработки данных, сохраняются за правообладателем даже в случае частичного использования. Требования о выплате вознаграждения в соответствии с пунктом 2 статьи 54 Закона Германии об авторском праве (UrhG) регулируются обществом по сбору авторских вознаграждений VG Wort.

Отпечатано на бескислотной, устойчивой к старению бумаге.

ISBN 978-3-402-12521-2 (Print)
ISBN (электронная книга в формате PDF) 978-3-402-12522-9
DOI <https://doi.org/10.17438/978-3-402-12522-9>

Оглавление

Gloria Dei et mundi. Софиология как экуменический проект. Введение составителей	III
Вводное слово Алексея П. Козырева	XXV
Preface by Frank Gavin (1937)	XXVIII

София — Премудрость Божия

Введение	3
<i>Глава первая</i>	
Божественная София во Св. Троице	20
<i>Глава вторая</i>	
Троичные ипостаси и Божественная София	31
<i>Глава третья</i>	
София Божественная и София тварная	44
<i>Глава четвертая</i>	
Боговоплощение	65
<i>Глава пятая</i>	
Пятидесятница и Богочеловечество	78
<i>Глава шестая</i>	
Почитание Богородицы (Мариология)	89
<i>Глава седьмая</i>	
Церковь	102

Приложения

I. К вопросу о Премудрости Божией (Тезисы к докладу о софиологии).....	115
II. Протоколы семинаров о Софии, Премудрости Божией Запись В. А. Зандер.....	118
III. Примечания	144
IV. Библиография.....	208
1. Ссылки Булгакова.....	208
1.1 Сочинения Булгакова	208
1.2 Источники Булгакова.....	210
2. Библиография к спору о Софии	212
2.1 Рецензии	212
2.2 Официальные материалы.....	212
2.3 Современные отклики (в хронологическом порядке до 1948 г.)	213
2.4 Библиография с 1944 г.	215

Gloria Dei et mundi.

Софиология как экуменический проект

Предисловие составителей

Не премудрость ли взывает? и не разум ли возвышает голос свой? [...] Господь имел меня началом пути Своего, прежде созданий Своих, искони; от века я помазана, от начала, прежде бытия земли. [...] Когда полагал основания земли: тогда я была при Нем художницею, и была радостью всякий день, веселясь пред лицем Его во все время, веселясь на земном кругу Его, и радость моя была с сынами человеческими (Притч 8, 1.8.22.30.31)¹

Мир, творение имеет в себе божественный принцип, и он может быть понят как Премудрость Божия или божественная София. Это божественное основание творения, которое является живым тождеством вечной и тварной Премудрости Божией, *gloria Dei et mundi*. (Сергий Булгаков, 1930)²

В христианстве зарождается новое чувство жизни, что не человеку надлежит убежать из мира, но что Христос приходит в мир. (Сергий Булгаков, 1933)³

Когда Булгаков был выслан из Советского Союза в 1922 году, он с семьей сначала добрался до Константинополя, где посещение Святой Софии, которую в то время использовали мусульмане, придало ему новые силы:

«Я в мире и мир во мне. И это чувство таяния глыбы на сердце, потери собственной тяжести, это ощущение крылатости, как птицы в синеве неба, дает не счастье, не радость даже, но блаженство — какого-то окончательного ведения, всего во всем и всего в себе, всяческого всячества, мира в единстве. Это действительно София, актуальное единство мира в Логосе, внутренняя связь всего со всем».⁴

1 Русский синодальный перевод (Православная редакция).

2 Sergius Bulgakoff, *Die Wesensart der russischen Kirche*, in: *Internationale Kirchliche Zeitschrift* 20, 3 (1930) 181–185: 183.

3 Сергий Булгаков, *Агнец Божий. О Богочеловечестве. Часть I*, Paris 1933, 6.

4 Сергий Булгаков, *Автобиографические заметки*, Paris 1946, 94–95.

Для Булгакова Святая София принадлежит вселенскому человечеству и единому будущему вселенской Церкви. Ведь

«пока нет явления вселенской Церкви в ее силе и славе, в век раскола церковного, внешнего и внутреннего, в век распада и обособления, отнят он [Храм] у христиан и отдан местоблюстителям. [...] Однако и теперь здесь молятся Богу и молятся достойно, и достойнее, может быть, тех, кому принадлежал бы ныне Храм. [...] Бог сдвинул светильник и отдал Храм чужому народу» (Откр 2, 1–5).⁵

Другими словами, «она принадлежит вселенскому будущему Церкви»⁶, в котором имеющиеся церковные разделения будут преодолены. Таково эсхатологическое видение Булгаковым *ойкумены*, и основой для этого видения служит его богословие с учением о Премудрости Божией.

В этой книге, которая была опубликована на английском языке в 1937 году, а теперь впервые доступна в оригинале — на русском — и на немецком языке с научными комментариями, экономист, богослов и православный священник Сергей Булгаков намеревался донести свое учение о Софии до западной аудитории. Он представляет софиологию, с одной стороны, довольно скромно — «как, положим, томизм или модернизм в католичестве⁷, либеральный „иезуанизм“ или бартианство в протестантстве» — т. е. как *одно* из современных течений в православии, но, с другой стороны, — достаточно смело, как ключ к восстановлению христианского единства. Она «устанавливает особое понимание *всех* христианских [истин] учений и догматов, начиная [[от учений]] о Св. Троице и боговоплощении и кончая вопросами практического христианства нынешнего дня» (13).⁸ «Софиология содержит в себе узел всех догматических и практических проблем современной христианской

5 Ibid., 97–98.

6 Ibid., 98.

7 Детальных исследований взаимодействия Булгакова с современной католической теологией еще не существует несмотря на то, что обмен мнениями между русскими православными и французскими католическими теологами в Париже (например, с Жаком Маритеном, Ивом Конгаром, Анри де Любаком) был оживленным. См. об этом: Антуан Аржаковский, Журнал «Путь» (1925–1940): Поколение русских религиозных мыслителей в эмиграции / Пер. с франц. Киев 2000; Великая дружба: Переписка Жака и Раисы Маритен с Н. А. Бердяевым / Ред. и перевод: Т. Оболевич, Б. Маршадье // *Rosyjska Myśl Społeczna i Filozoficzna*. Том 3. Зелена Гура: Oficyna Wydawnicza UZ, 2022.

8 Здесь и далее номера страниц в тексте относятся к настоящей книге.

догматики и аскетики» (18), будучи вписанной в рамки богословия Вселенского Халкидонского собора 451 года:

«Ведущая основная идея автора — Богочеловечество, то есть полное единение Божества и человечества во Христе, но более того, единение Бога и мира вообще, и в этом смысле именно халкидонское богословие».⁹

В центре видения Булгакова находится Христос.¹⁰ Несмотря на это, наиболее частые упреки в адрес учения Булгакова заключаются в том, что оно либо слишком «философское», либо слишком «западное», либо недостаточно «богословское», либо недостаточно опирается на учение Отцов Церкви. Но если мы хотим ответить на вопрос, зачем вообще нужно учение о Софии, тогда нам следует «рассматривать Булгакова [...] как догматического богослова, для которого все мышление начинается с воплощения Логоса во Христе».¹¹

Несомненно, немецкий идеализм, и особенно учение об антиномиях Канта и натурфилософия Шеллинга¹², является важным ориентиром в разработке софиологической доктринальной структуры, но Булгаков видит в этом не проблему, а скорее задачу богословия. Догматы Церкви

-
- 9 Sergius Bulgakov, *Selbstanzeige: Das Lamm Gottes. Über die Gottmenschheit*, Teil I, Paris 1933, 468 S. (russisch), in: *Theologische Blätter* 13, 7 (1934) 214–217: 214.
- 10 Nikolaos Asproulis, *La réception de la sagesse dans la sophiologie russe*, in: *RSR* 108, 2 (2020) 27–48: 35. См. также: Rowan Williams, *Bulgakov's Christology and Beyond*, in: Barbara Hallensleben, Regula M. Zwahlen, Aristotle Papanikolaou & Pantelis Kalaitzidis (eds.): *Building the House of Wisdom. Sergii Bulgakov and Contemporary Theology: New Approaches and Interpretations*. Münster 2023, 25–41.
- 11 Aristotle Papanikolaou, *Why Sophia?*, in: *The Wheel* 26 (2021) 16. В какой-то степени сказанное может быть отнесено и к «учителю» Булгакова Владимиру Соловьеву, чья укорененность в халкидонской христологии также была показана в работе: Jeremy Pilch, *“Breathing the Spirit with Both Lungs”: Deification in the Work of Vladimir Solov'ev*, Leuven 2018. См. Olivier Clément, *Orient-Occident. Deux passeurs. Vladimir Lossky. Paul Evdokimov*, Paris 1985, 93: «De même on peut dire que l'Incarnation est axiologiquement, dans le dessein de Dieu, antérieure à la création, de sorte que la sophiologie du Père Boulgakov apparaît comme une tentative pour expliciter le contenu du dogme de Chalcedoine.»
- 12 Jonathan R. Seiling, *“From Antinomy to Sophiology. Modern Russian Religious Consciousness and Sergei Bulgakov's Critical Appropriation of German Idealism”*, PhD, University of Toronto 2008; Tikhon Vasilyev, *Aspects of Schelling's influence on Sergius Bulgakov and other thinkers of the Russian religious Renaissance of the twentieth century*, in: *International Journal of Philosophy and Theology* 80, 1–2 (2019) 143–159; см. также John Milbank's, Justin Coyle's and Taylor Ross' contributions to Hallensleben et al., *Building the House of Wisdom*.

должны быть истолкованы и по-новому проинтерпретированы на «нашем» современном философском языке, подобно тому, как это делали Отцы Церкви в диалоге с современной им античной философией: «таким образом, в этом богослов силою вещей является и философ, который должен иметь соответствующее вооружение».¹³ Софиология Булгакова не повествует об особом религиозном мире, она отвечает на основные вопросы человечества. Именно это делает её такой мощной и способной к диалогу.

Ради этого мира — во всей его красоте и в его потерянности — Булгаков дает богословский ответ на вопрос о том, как возможно, чтобы Слово Божье стало плотью и поселилось среди нас? (Ин 1, 14) Кто же тот человек, которому Бог явил Себя таким образом в Своей человеческой доброте, поистине в Своем Богочеловечестве? Этим объясняется и огромное значение Богоматери в учении Булгакова о Премудрости, так как именно от Нее Христос получает человеческую природу, которая, соединившись с Его Божественной природой, персонифицируется в Нем как в вечном Логосе. Речь идет об условии возможности рождения Бога как человека, о способности человеческой природы зачать Бога и о взаимоотношении божественной и человеческой природы во Христе — иными словами, о вопросе, который Отцы Церкви рассматривали на Ефеском соборе (431 г.) и на Халкидонском соборе (451 г.). Догматические определения этого Собора признаны православной, католической, старокатолической, англиканской и протестантской церквями: таким образом, софиология Булгакова — это экуменический проект.

От марксизма к софиологии

Как же произошло удивительное интеллектуальное путешествие от профессора политической экономии к православному богослову, от марксизма — к софиологии? В ретроспективе Булгакова этот путь следовал внутренней логике.¹⁴ Софиология является — как показывает уже «Философия хозяйства» Булгакова (1911) — теологическим ответом на «в известном смысле неопровержимый» экономический материализм его времени, откликом на непосредственное ощущение жизни как экономического процесса, даже как борьбы за выживание «с враждебными

13 Сергей Булгаков, Догмат и догматика // Живое предание. Православие в современности, Paris 1941, 23.

14 Sergius Bulgakov, From Marxism to Sophiology, in: The Review of Religion 1, 4 (1937) 361.

силами природы»: экономический материализм «должен быть не отвергнут, но *внутренне превзойден*».¹⁵

Вопрос о том, как человек, который, согласно позитивистским предположениям, является «случайным соединением материальных атомов», должен быть «способен не только познать, но и преобразовать Вселенную»¹⁶, как того требовал Карл Маркс, привел Булгакова обратно в «Отчий дом». Здесь он нашел ответ на поставленный вопрос, не отказываясь при этом от непосредственного ощущения материальности мира и зависимости человека от природы, а также от убежденности в свободе и творчестве человеческого духа:

«Единственное и удовлетворительное решение этой философской и религиозной загадки содержится в христианском догмате о том, что человек есть образ Божий, и в Богочеловечестве, которое определяет все отношение Бога к человеку и его место как центра и представителя всей природы. Слово стало плотью, Бог стал человеком, Логос соединил в Себе человеческую и божественную природы. Он — Богочеловек, и все человечество участвует в этом Богочеловечестве. Этот универсальный факт воплощения Христа является ответом веры, ибо он одновременно является единственным убедительным ответом философии на загадку человека».¹⁷

Софиология, как учение о Премудрости, свидетельствует о присутствии божественного начала в творении, что делает возможным богообразность человека и воплощение Христа, но при этом ее не следует путать с пантеизмом:

«Мир — это творение, которое получает свое существование от энергии, помещенной в него извне, или же сверху, от Творца, от Бога. Эта зависимость показывает не просто абсолютную силу Бога, но внутреннюю связь с Богом, соответствие или подобие, которое существует в отношениях между Творцом и творением. Божественная жизнь и энергия является истинной основой существования мира, даже в его естественном бытии. Эта энергия названа в Священном Писании Божественной Премудростью, Святой Софией, иногда Божественной Славой. В Притчах 8, 23 эта Премудрость говорит о себе: „Господь овладел мною в начале пути своего ... Я поставлена от века“, и эта Премудрость, надо сказать, является

15 С. Н. Булгаков, *Философия хозяйства. Мир как хозяйство* // Сочинения в двух томах, Москва 1993, том 1, 53, 84.

16 Sergius Bulgakov, *From Marxism to Sophiology*, 362.

17 Sergius Bulgakov, *From Marxism to Sophiology*, 364.

божественной частью сотворенного мира, его основой. Вечное семя божественной жизни и энергии было погружено в процесс становления, поскольку это было его внутренней реальностью, мотивом, силой и конечной целью».¹⁸

Человек — это не случайное соединение атомов, а воплощенный дух; и не только дух исходит от Бога, но и плоть, материя, все творение — это Богом данное бытие, явленное в красоте.¹⁹ Поэтому человек может не только познавать Вселенную, но и изменять её и творить, и поэтому Бог может стать человеком.

Христология и «Антропо-космология»

Сам Булгаков назвал стоящую перед ним задачу «космодицеей»²⁰, т. е. оправданием космоса как благого творения Бога. Первородный грех не уничтожает эту онтологическую реальность, но затемняет ее — православное богословие было с этим согласно во все времена.²¹

София у Булгакова — это не мифически персонифицированная женская фигура какого-нибудь теософского, антропософского или иного тайного учения. Как «учение о вечной и тварной премудрости Божией», софиология хочет занять свое место в границах христианской и церков-

18 Sergius Bulgakov, *From Marxism to Sophiology*, 364–365.

19 См. цитаты Вл. Соловьева в: Сергей Булгаков, *Природа в философии Вл. Соловьева* // Сочинения в двух томах, Москва 1993, том 1, 41: «Но если земля в действительности есть богоземля, то материальная природа есть не дьявол, и не временная темница, а лишь „недостроенная обитель богочеловеческого духа“, и „верить в природу — значит признавать в ней сокровенную светлость и красоту, которые делают ее *Телом Божиим* (от этого пункта строится эстетика Соловьева). Истинный гуманизм есть вера в *Бого-человека*, и истинный материализм есть вера в *Бого-материю*“». См. также комментарий Элизабет Бер-Сижель: «En effet, ce qu'il faut sentir avant tout, c'est qu'un même pathos fondamental anime l'œuvre des deux penseurs [Vl. Soloviev et P. Boulgakoff] que nous venons de rapprocher l'un à l'autre: la passion de réhabiliter la nature terrestre, l'amour de la création, l'intuition de son caractère divin caché, de son origine sophianique qui la prédestin, selon eux, non pas à la destruction finale mais à la transfiguration»: Elisabeth Behr-Sigel, *La sophiologie du Père S. Boulgakoff*, in: *Revue d'histoire et de philosophie religieuses* 19, 2 (1939) 130–158: 155.

20 Сергей Булгаков, *Софийность твари (космодицея)* // *Вопросы философии и психологии* 132/133 (1916); глава «Софийность твари» // *Свет невечерний. Созерцания и умозрения*, Москва 1917.

21 Василий Зеньковский, *Основы православной антропологии* // *Вестник РСХД* 4 (1949) 11–16; В. Н. Лосский, *Очерк мистического богословия восточной церкви*, глава VI. *Образ и подобие: «Образ Божий неразрушим в человеке».*

ной традиции и развивать эту традицию дальше²², в служении богословской задаче, стоящей, по Булгакову, перед «нашим временем»:

«Основной вопрос христологии — как понять объединение двух природ, божественной и человеческой, в единой ипостаси Логоса, не только в отрицательных терминах (четыре „не-“: „неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно“ Халкидонского собора!), но и в положительных. Какого рода теперь не халкидонское „нет“, а именно халкидонское „да“? [...] София в Творце и в творении является тем мостом, который соединяет Бога и человека, и в этом их единстве заключается халкидонское „да“, основа Боговоплощения».²³

Согласно Булгакову, халкидонское «да» включает в себя также учение об образе Божьем в человеке: Бог может стать человеком, потому что человек создан по образу Божьему (Быт 1, 27). В то же время, согласно Булгакову, сотворенный космос следует понимать как «тело человека», как «антропокосмос».²⁴ Поэтому образ Божий в человеке относится не только к человеческому духу, но и ко всей телесно-психической природе творения, заложенной в космосе. Наше познание этой природы зависит

22 См. размышления Булгакова о догматическом развитии: «Догматическое богословие есть систематическое изложение догматов, которые в совокупности своей выражают полноту православного учения. Однако, может ли, действительно, притязать на полноту такой догматический инвентарь? На все ли догматические вопросы имеются готовые ответы в виде уже сформулированных и провозглашенных Церковью догматов? — Нет. [...] Догматическая мысль, с полной верностью церковному преданию, но и с полной искренностью свободного искания, призвана, с одной стороны, критически различать, устанавливать и усвоить разные части уже имеющегося догматического учения, также как и отвечать на новые проблемы современности. Этим и достигается необходимое равновесие в статике и динамике догмата». С. Булгаков, *Догмат и догматика // Живое предание. Православие в современности*, Париж 1936, 9, 24.

23 Bulgakov, *Selbstanzeige*, 214–215. См. также в «Агнце Божиим» (1933): «Халкидонский догмат [...] дан человеческой мысли и как высшая и предельная проблема богословского и философского постижения. Ошибочно думать, что [...] богословские школы этой эпохи [...] подготовили и исчерпали в своем истолковании этот догмат. Вернее сказать, они явились для него только поводом, выразили только первые предчувствия об его значении в теологии, антропологии, тео-антропологии. [...] Хочется думать, что именно наше время призвано — в своем стремлении к богословскому синтезу — исторически являться халкидонской эпохой, оно призвано к новому религиозному и богословскому раскрытию и овладению этим даром церковным». Сергей Булгаков, *Агнец Божий*, Париж 1933, 80.

24 Sergej N. Bulgakov, *Die christliche Anthropologie*, 219.

от Божьего откровения. Булгаков объясняет эти связи следующим образом (в оригинале — на немецком языке):

«В структуре своей христологии автор совершенно решительно и открыто опирается на софиологию, учение о вечной и тварной Премудрости Божией. Природа или οὐσία Святой Троицы — это не только неисчерпаемая глубина жизни, но и самооткровение Божества, и в этом смысле οὐσία есть именно σοφία. София — это единство, полнота идеальных прототипов Логоса, к которым в Святом Духе отнесены и реальность, и красота. Она есть полнота божественной жизни и в этом смысле божественный мир. Будучи самооткровением Божества, она сама не является ипостасью, но принадлежит к троичной ипостаси [...]. В Усии, как Софии, реализуется сущностная и нераздельная жизнь Святой Троицы. Как божественный мир, к которому принадлежит вечность Бога, она является *ens realissimum*. [...] Божественная Премудрость как вечный прототип тварного мира в Боге, в той мере, в какой она присутствует в становлении, является сущностным основанием и содержанием творения».²⁵

По мнению Булгакова, этой общей природе трех ипостасей как основанию творения не уделялось должного внимания в богословской тринитарной традиции. Мир как творение есть сотворенная (а не «гностически» падшая²⁶) София, богоданное, онтологически благое, самостоятельное бытие, вмещающее в себя возможность становления и свободу человеческого соучастия.²⁷ Исследуя Божественную природу как аспект самооткровения Бога, софиология Булгакова указывает на «божественную тайну» в тварном мире и в человеке, не игнорируя при этом достижений естественных и экономических наук. Софиология — это, так сказать, «отрицательное богословие мира» и «апофатика личности». Она призывает антропологию и естественные науки к скромности, ссылаясь, в частности, на учение Канта о «вещи в себе»: не только Бог не познаваем (чистым) разумом, но и творение Его также не познаваемо.²⁸

25 Sergej N. Bulgakov, *Die christliche Anthropologie*, 214–215.

26 Barbara Hallensleben, *Kosmodizee. Das Böse im apokalyptisch-geschichtstheologischen Horizont bei Sergij Bulgakov*, in: Bodo Zelinsky (Hg.), *Das Böse in der russischen Kultur*, Köln 2008, 28–35: 29. Об обвинении Булгакова в гностицизме см. примечание 32 к введению Булгакова, с. 156.

27 См. Elisabeth Behr-Sigel, *La Sophiologie*, 143: «C'est à l'homme qu'il appartient originellement de développer librement les potentialités divines du monde créé»; см. также: Regula M. Zwahlen, *Das revolutionäre Ebenbild Gottes. Anthropologien der Menschenwürde bei N.A. Berdjaev und S.N. Bulgakov*, Münster 2010.

28 См. Сергей Булгаков, *Свет Невечерний. Созерцания и умозрения*, Москва 1994,

Для современного богословия это также открывает перспективы в области богословской экологии.²⁹ Мы не в состоянии полностью постичь творение понятийно, в нем мы встречаем тайну Бога³⁰: «Мир не есть

128–129: «Но мы не хотим пройти молчанием своеобразную позицию, занимаемую в этом вопросе Кантом. Конечно, центральное место принадлежит здесь его многозначному понятию Ding an sich, вещи в себе, недоступной опытному познанию. Вещь в себе трансцендентна опыту, — категории феноменального мира неприменимы к ноумону, совершенно в том же смысле и по тем же, в сущности, основаниям, по каким, напр., И. Ск. Эриугена считает аристотелевские категории неприменимыми к Божеству. Вещь в себе есть Grenzbegriff, предельное понятие, превышающее всякое познание. Она есть абсолютное НЕ, имя *тайны*, недоведомой человеку. Поскольку это учение направлено против возможности *всякой* метафизики, оно достаточно опровергается историей философии. Но оно имеет и другой смысл, не только отрицательный и рационалистический, но и положительный или мистический. Переведенное на религиозный язык, т. е. на язык отрицательного богословия, кантовское учение о вещи в себе, устанавливающее права веры („практического разума“) и открывающее двери мистике, получает совершенно особенное значение. Оно ставит Канта головой выше рационалистического богословия, с принципиальной критикой которого и выступает Кант: для этого богословия все доказуемо, все понятно, а, стало быть, все имманентно разуму. Разбить эту каменную стену рационалистического самодовольства и предрассудков было огромной религиозной заслугой Канта».

29 См. Asproulis, *La réception de la sagesse*, 37; John Chryssavgis, *Creation as Sacrament. Reflections on Spirituality and Ecology*, London 2019; Laura Marie Hartman, *The Christian Consumer*, Oxford 2011; Gayle Woloschak, “Ecology, Evolution, and Bulgakov,” in: Daniel Buxhoeveden, Gayle Woloschak (eds.), *Science and the Eastern Orthodox Church*, Surrey 2011, 53–64; Willis Jenkins, *Ecologies of Grace*, Oxford 2013; Bruce V. Foltz, *The Noetics of Nature: Environmental Philosophy and the Holy Beauty of the Visible*, New York 2013, 88–112 (глава “The Resurrection of Nature: Environmental Metaphysics in Sergei Bulgakov’s Philosophy of Economy”); Austin Holmes, *Bulgakov’s Ecology in: Hallensleben et al., Building the House of Wisdom*, 259–271.

30 См. комментарий прот. Андрея Лауфа: «Основное положение софиологии достаточно легко сформулировать; оно состоит в том, что разрыв между нетварным Богом и творением, произведенным из ничего, не противопоставляет творение Богу, но скорее Премудрость составляет своего рода $\mu\epsilon\tau\alpha\zeta\acute{\upsilon}$ („между“), между Богом и нами / творением, поскольку через Премудрость Бог сотворил вселенную, и также поскольку посредством Премудрости человек ищет Бога. Можно сказать, что Премудрость — это лицо, которым Бог поворачивается к Своему творению, и лицо, которым творение по-человечески поворачивается к Богу. Творение не брошено Богом, оно не безбожно, поскольку если бы не Бог, оно бы не существовало; [...] в творении может быть найден Бог». Андрей Лауф, Сергей Булгаков и задачи богословия // С. Н. Булгаков: pro et contra. Религиозно-философские и теологические идеи С. Н. Булгакова в оценках отечественных и зарубежных мыслителей и исследователей. Антология, ред. Д. К. Богатырёв и др., Санкт-Петербург 2021, 789–805: 803–804.

только мир в себе, но мир в Боге, и Бог не есть только на небе, но и на земле, в мире, с человеком Христос [[и Св. Дух, Церковь]] (28)».³¹

Выражение «София» в смысле «природа Бога» можно без труда заменить и другими формулировками: как пишет Булгаков в разных местах, она — «тело» Бога, Его «мир», Его «жизнь», Его «любовь», Его «существо», Его «слава», Его «откровение для Себя». Столь непривычное, хотя и тщательно обоснованное с библейской точки зрения, использование языка может дать основания для того, чтобы заново открыть истинность самих высказываний.³²

Источники и споры

Связи Булгакова с другими учениями о премудрости были исследованы Натальей Вагановой в первой российской диссертации о софиологии Булгакова, вышедшей в виде монографии в 2010 г. В частности, ею были прослежены параллели с античными учениями о софии-мудрости (Платон, Аристотель, Плотин), ветхозаветной литературой о премудрости (Книга Премудрости Соломона, Книга Иисуса Сираха), эллинистическими учениями о мудрости (стоики, Филон Александрийский, гностики), еврейской мистической традицией (Каббала), учениями о Софии-Премудрости в раннем христианстве, в патристике (Афанасий Александрийский, Григорий Палама) и в схоластике (Августин), в культуре Византии и в иконографии и литературе Древней Руси³³, в европейской неортодоксальной мистике (Мейстер Экхарт, Николай Кузанский, Якоб Бёме, Ангелус Силезиус), поэзии (Данте, Шелли), в Просвещении и в романтизме (Новалис, Шлегель, Гёльдерлин, Гофман, Кант, Шеллинг, Гегель), в русской политической культуре XVIII века (София как «воплощенная мудрость» при Екатерине Великой), у представителей православного богословия (Памфил Юркевич, Григорий Сковорода, Федор Голубинский, Александр Бухарев) и в русской религиозной философии (масоны, «Любители мудрости», Алексей Хомяков, Владимир Соловьев, Павел Флоренский).³⁴

31 Этот фрагмент приводится только в сокращенном виде в английском издании: „The world is not only a world in itself, it is also a world in God, and God abides not only in heaven but also on earth with human beings”: Sergei Bulgakov, *Sophia. The Wisdom of God*, New York 1993, 17.

32 Hallensleben, *Denker und Diener der göttlichen Weisheit*, 58–59.

33 См. Markus Osterrieder, *Das Land der heiligen Sophia: Das Auftauchen des Sophia-Motivs in der Kultur der Ostslaven*, in: *Wiener Slawistischer Almanach* 50 (2002) 5–62.

34 Наталья А. Ваганова, *Софиология протоиерея Сергия Булгакова*, Москва 2010.

При жизни Булгакова его учение высоко оценивал, среди прочих, его ученик Владимир Николаевич Ильин, которого Булгаков ценил, поскольку считал, что Ильин его понимает.³⁵ Ильин представил софиологию немецкоязычной публике еще в 1929 году, после посещения семинара Булгакова, как пример «пульсирующей догматической жизни» православной мысли, которая «совершенно естественно» вытекала из двух источников русской церковной жизни: из древней православной архитектуры и иконографии с ее изображениями Софии как ангела, церкви или как Богородицы, и из Священного Писания, патристических и литургических произведений, которые раскрывают характерную апорию, когда София рассматривается как сотворенная (Притч 8, 22 сл.), так и как несотворенная (1 Кор 1, 24) и отождествляется Отцами Церкви либо со второй, либо с третьей ипостасью Троица Божия.³⁶

Подводя итог, Ильин заключает, что учение о Софии —

«это особая богословская категория, возникшая на почве русского богословия [...], которая предстает как мощный и грандиозный догматический проект. [...] Окружая умиротворяющей атмосферой все проявления православия, как его мистико-онтологическое основание, софиология, даже если она не явно выражена, всегда действует со всей силой и во всей полноте там, где поднят вопрос об отношении Бога к твари. Соответственно, софиология вскоре проникает в глубины триадологического богословия, вскоре она вновь появляется как тварный космос, вскоре она раскрывается в тайне воплощения и во всем, что служит этой тайне. София — это богословско-мистическая категория, которая исповедует одновременное вхождение Бога в тварь и восхождение к Богу».³⁷

Адекватной оценке и изучению булгаковского учения о Софии мешала, прежде всего, не очень умиротворяющая историческая атмосфера того времени. Как известно, в межвоенный период творчество Булгакова попало под перекрестный огонь критики в контексте церковно-политической борьбы русских православных институций в изгнании, хотя он был рукоположен в священники в 1918 году по благословению патриарха Тихона (Беллавина), который знал о богословских и софиологических

35 См. сноску 25, Протокол от 4.12.1928, с. 135.

36 Wladimir Iljin, *Die Lehre von der Sophia der Weisheit Gottes in der neuesten russischen Theologie (im Zusammenhang mit der Onomatodoxie)*, in: *West-östlicher Weg* 2 (1929) 170–185; 225–230: 173–175.

37 *Ibid.*, 184–185.

интересах Булгакова. Этот конфликт не ускользнул от (преимущественно англиканских) собеседников Булгакова в экуменических диалогах.³⁸

Софиология была осуждена как еретическое учение заместителем патриаршего местоблюстителя Московского Патриархата в 1935 году, но без выдвигания каких-либо обвинений в ереси против самого Булгакова, в то время как Русская Православная Церковь за границей (РПЦЗ), располагавшаяся в Сремских Карловцах (Сербия), осудила уже самого Булгакова как еретика.³⁹ Это и дало ему повод к написанию данной книги:

«Благодаря этой атмосфере сенсации или скандала, [образовавшейся] столь не мудро созданной около учения о Премудрости, и западному читателю стало знакомо слово „София“ и „софиология“, однако лишь с привкусом какой-то восточной экзотики, „гнозиса“ и вообще всякой чепухи и суеверия. При этом не подозревают, что в действительности речь идет о самой [природе] сущности христианства („*das Wesen des Christenthums*“), о чем рассуждает теперь и все западное [„научное“] христианство [Гарнака, Шлейермахера, Барта и т. д. и т. д.]» (12).

Булгаков хотел опровергнуть возникшее впечатление, что учение о Софии было характерно только для русского богословия.⁴⁰ В связи с этим он написал данное «резюме», чтобы представить свое учение как концепцию, имеющую потенциал к развитию, при помощи которой можно было бы в том числе указать путь выхода из современных противоречий, подобных тем, что присутствуют в диалектической теологии Карла Барта. Упоминание Карла Барта в русской рукописи Булгакова, отсутствующее в английском издании 1937 года, показательное. Предположительно, он убрал некоторые фрагменты из опубликованной версии для того, чтобы представить софиологию в максимально независимом от контекста виде и тем самым подчеркнуть ее универсальное значение для христианства в целом. Тем не менее, нам кажется полезным рассмотреть конкретный

38 Ср. также предисловие Алексея Козырева.

39 См. Анна Резниченко, Сергей Булгаков (Энциклопедическая статья) // О смыслах имён: Булгаков, Лосев, Флоренский, Франк et dii minores, Москва 2012, 157–193; ср. Андрей Клементьев, Материалы к истории полемики о творчестве профессора протоиерея Сергия Николаевича Булгакова (1924–1937 гг.) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2019. № 2 (26). С. 275–370. Последняя на данный момент работа по этому вопросу: Roberto De La Noval, *The Theological Condemnations of Fr. Sergius Bulgakov: Sophiology in Suspension*, Ph.D. diss. in Theology, University of Notre Dame 2020.

40 См. Marcus Plested, *Wisdom in the Christian Tradition. The Patristic Roots of Modern Russian Sophiology*. Oxford 2022.

контекст появления произведения в межвоенные годы, чтобы лучше понять актуальность проекта Булгакова тогда и сейчас.

Исторический контекст: межвоенный период

Булгаковская софиология представляла собой динамичную богословскую концепцию экуменического характера.⁴¹ В результате осмысления личного опыта переживания русской революции и прихода к власти атеистического режима на его родине, в изгнании в Булгакове возникло страстное желание развивать экуменическое движение с целью единства Церкви:

«Из опыта трагедии Русской Церкви и личного изгнания из России во мне родилось убеждение, что мы, православные, не можем победить Антихриста в одиночку, и поэтому Бог призывает меня работать на воссоединение [церквей]».⁴²

Основанием для воссоединения церквей Булгаков считал догмат Халкидонского собора, позитивный смысл которого он стремился раскрыть. В отношении этого догмата речь идет о «вечной дилемме противостояния трансцендентного Абсолюта и изменчивой имманентной реальности творения», и, по словам Мирослава Татарина, именно в этом состоит ядро личной борьбы и богословских прозрений Булгакова в 1920-е и 1930-е годы.⁴³ Уже в своем произведении 1917 года «Свет Невечерний» Булгаков осуждал прежде всего «имманентизм германского духа», но в то же время критиковал «трансцендентизм» православной мысли, склонной

41 Ключом к экуменическому мышлению Булгакова считается его статья «У кладезя Иаковля». См. Сергей Булгаков, «У кладезя Иаковля. О реальном единстве разделенной церкви в вере, в молитве и таинствах» // Христианское Воссоединение. Экуменическая проблема в православном сознании. Сборник статей. Париж 1933, 9–32. См. Barbara Hallensleben, *Ökumene als Pfingstgeschehen Bei Sergij N. Bulgakov*, in: Iso Baumer, Guido Vergauwen (Hg.), *Ökumene. Das eine Ziel – Die vielen Wege*, Freiburg i. Ue., 1995, 147–180; Brandon Gallaher, *Bulgakov's Ecumenical Thought*, in: *Sobornost'* 24 (2002) 24–55; Антуан Аржаковский, Журнал «Путь» (1925–1940): Поколение русских религиозных мыслителей в эмиграции / Пер. с франц. Киев 2000.

42 Report of Conference held at High Leigh in June 26–28, 1934 on “The Healing of Schism”, Fellowship of St Alban and St Sergius Archive, Oxford, Folder labelled “The Fellowship Conference Policy Before 1940”, p. 2. Сокращенная версия: *The Journal of the Fellowship of St Alban and St Sergius* 25 (1934) pp. 3–7. Мы выражаем благодарность Брэндону Галлахеру за эти сведения.

43 Myroslaw Tataryn, *History Matters: Bulgakov's Sophianic Key*, in: *St Vladimir's Theological Quarterly* 49, 1–2 (2005), 203–218: 204–206.

к отрицанию мира и отсутствию исторического сознания, которой немецкий «имманентизм» бросил вызов. Уже в 1917 году Булгаков осознал, что «имманентизм» и «трансцендентизм» следует рассматривать не как типично немецкие или типично русские, а как универсальные элементы человеческого религиозного сознания.⁴⁴ В 1931 году Булгаков хотел противопоставить свою «космо- и антроподицею» уже не немецкому имманентизму, а «трансцендентизму». Под последним он понимал, в частности, «диалектическую теологию» Карла Барта⁴⁵, в которой тот, по мнению Булгакова, вновь впадал в ошибку «дурной диалектики», встававшей на сторону либо безусловного утверждения мира (космизм), либо радикального отрицания мира (антикосмизм).⁴⁶

Интерес православных богословов к Карлу Барту проявился уже в 1925 году среди участников (Николай Арсеньев, Николай Глубоковский, Пол Андерсон) Всемирной конференции по практическому христианству в Стокгольме, организованной лютеранским епископом Натаном Сёдербломом.⁴⁷ На этой конференции и на продолжившей ее дело «Второй богословской конференции Восток–Запад», прошедшей в 1930 году в Берне, в которой приняли участие Карл Барт и Сергей Булгаков — участники обратились к общей совести христиан ради социального обновления общества после опыта Первой мировой войны.⁴⁸ Булгаков приветствовал участие в Стокгольмской конференции делегации Православной церкви во главе с патриархом Александрийским Фотием и воспринял этот факт как свидетельство позитивного отношения православия к

44 Булгаков, Свет Невечерний, 5–6. О быстром распространении этой терминологической пары (впервые появившейся в «Критике чистого разума» Канта) в дебатах о религии в XIX веке см.: Johannes Zachhuber, Transcendence and Immanence, in: Daniel Whistler (ed.), *The Edinburgh Critical History of Nineteenth-Century Christian Theology*, Edinburgh 2018, 164–181. Об использовании Булгаковым этих терминов см. Regula M. Zwahlen, Eine Flaschenpost für das 21. Jahrhundert? Zum 150. Geburtstag von Vater Sergij Bulgakov, in: *Историко-философский ежегодник* 36 (2021) 196–220.

45 См. сноску 39 к введению Булгакова, 160.

46 Zwahlen, Eine Flaschenpost, 204–206.

47 Сопоставление диалектической теологии Барта и русского православного богословия см.: *Correlating Sobornost. Conversations between Karl Barth and the Russian Orthodox Tradition*, eds. A.J. Moyses, S.A. Kirkland, J.C. McDowell, Minneapolis 2016.

48 См. Антуан Аржаковский, *Журнал «Путь» (1925–1940): Поколение русских религиозных мыслителей в эмиграции* / Пер. с франц. Киев 2000; Ernst Gaugler, Die zweite ostwestliche Theologenkonferenz in Bern (6.-12. September 1930), in: *Internationale Kirchliche Zeitschrift* 20, 3 (1930) 186–199; *Theologische Blätter* 9 (1930) 314–355, und 10 (1931) 24–26.

социальному вопросу.⁴⁹ В то же время Булгаков критиковал одностороннее внимание Сёдерблома к «Никее этики» (ср. с. 15) в попытке избежать догматических споров:

«Новое социальное движение в христианстве все еще происходит в ограниченных рамках прикладной этики („Никее этики“), не найдя для себя достаточно догматического обоснования, какое могла бы предложить христианская антропология в идее Богочеловечества. Халкидон должен стать для них новой Никеей догматической».⁵⁰

В первом номере русского эмигрантского религиозно-философского журнала «Путь», вышедшего в Париже в 1925 году, было представлено изложение диалектической теологии Карла Барта, написанное Паулем Тиллихом, согласно которому бартовское «непринятие мира» было критической реакцией на «религиозный социализм» Кристофа Блюмхардта. Мы находим немедленный отклик Булгакова на это в книге о Софии — при этом следует отметить, что даже в 1930-е годы Булгаков так и не отказался от своего раннего «христианского социализма»⁵¹:

«Принятие мира в гуманизме [которое фактически было поддержано оставлением его на его собственную долю в натуральном существовании реформацией] есть реакция против неприятия его [(конечно, сопровождавшегося приятием внешне-фактическим)] [[в реформации]], которая признала за ним однако право на натуральное существование. Здесь существует [[дурная]] „диалектика“ непревзойденных противоречий, от

49 Сергей Булгаков, Православие и социализм. Письмо в редакцию // Вестник РХД 1930. № 1. С. 7–9, зд. 9

50 Sergij Bulgakov, Die christliche Anthropologie, in: Kirche, Staat und Mensch. Russisch-orthodoxe Studien, Genf 1937, 209–255: 253.

51 См. статью Булгакова «Душа социализма» // Новый град 1 (1931) 49–58; 3 (1932) 33–45; 7 (1933) 35–43. Кроме того, советский «научно-методический» ежемесячник «Антирелигиозник» Центрального совета «Союза воинствующих безбожников СССР» опубликовал в 1929 году аналитический отчет о «Днях покаяния», проведенных православным духовенством в Крыму в сентябре 1920 года, незадолго до того, как последние части Белой армии под командованием главнокомандующего барона Петра Врангеля покинули Крым 16 ноября 1920 года из-за больших потерь в боях с Красной армией. В отчете, среди прочего, упоминается поручение Высшего Церковного Управления на Юго-Востоке России Булгакову написать «проект вероучительного определения о природе социализма», что Булгаков подтвердил в статье (Сергей Булгаков, Православие и социализм. Письмо в редакцию // Вестник РХД 1 (1930) 7–9), подтвердив свою позицию. В этом проекте Булгаков выступил против церковной анафемы в адрес социализма.

которой и изнемогает современность. Но такая „диалектика“ совсем не есть последнее слово мудрости. Должна быть установлена правильная христианская аскетика в отношении к миру, которая есть борьба с ним из любви к нему» (18).

В этом смысле Булгаков и другие русские мыслители, такие как Николай Бердяев, Семен Франк и Василий Зеньковский, критиковали девальвацию Бартом культуры и истории⁵², представлявшую собой реакцию последнего на присвоение культуры и истории так называемыми «немецкими христианами».⁵³

Что касается «положительного преодоления секуляризирующих сил Реформации и Ренессанса» (18), то здесь необходимо подчеркнуть, что Булгаков рассматривал их как необходимые силы исторического развития перед лицом стесняющих церковных структур. В своем сборнике статей «Два града. Исследования о природе общественных идеалов» (1911) он ссылается на историка Михаила Корелина, согласно которому «гуманистический индивидуализм» способствовал развитию у человека обоснованного интереса к своему внутреннему миру, к другим людям и к окружающей его действительности, и в целом к достоинству человеческой природы, присущей образу Божьему: «Реакция против средне-

52 Ср. резкую критику Барта Борисом Вышеславцевым: «Основное его положение: „Gott ist Gott und der Mensch ist der Mensch“ ведет к крайнему разобщению Бога и человека и к унижению человека, которого Бог вовсе не хочет. В лучшем случае это дохристианская, ветхозаветная религия. Это плохая диалектика, неспособная продумать идею Богочеловечества, диалектика без Логоса. Она должна прийти в совершенное замешательство от слов Христа: вы боги и сыны Всевышнего все. Такое унижение человека („прах и зола“) ведет к непониманию богоподобия, обожения, свободы и соборности. Бартианство есть мрачная религия, боящаяся человека, мира, истории, творчества». Борис Вышеславцев, [Рецензия] *Orient und Occident. Blätter für Theologie und Soziologie* 4 (1930) // *Путь* 26 (1931) 126.

53 Об этом также шла речь в «Барменской декларации» Барта от 1934 года: «Мы отвергаем ложное учение, будто Церковь может и должна признавать источником своей проповеди, помимо и в дополнение к этому единому Слову Божьему, другие события и силы, фигуры и истины как Божье откровение». Эмиль Бруннер также критиковал это в известном споре с Карлом Бартом о «естественной благодати». Ср. Frank Jehle, „Natur und Gnade“ und das „Nein!“ Karl Barths, in: ders., Emil Brunner. *Theologe im 20. Jahrhundert*, Zürich 2006, 293–321; см. также: Регула Цвален, Да или Нет — Софиология Сергея Булгакова в контексте протестантской «диалектической теологии» в 1930-е гг. // *Русская эмиграция: церковная жизнь и богословско-философское наследие*, Москва 2022, 29–48; id., Over a Beer with Barth and Bulgakov: *Cosmodicy*, in: <publicorthodoxy.org>, 18. Juli 2022.

векового мировоззрения должна [...] провозгласить права личности, права натурального человека, который в церкви вовсе не преображался, а только подавлялся». ⁵⁴ В то же время Булгаков сетовал на имеющийся разрыв плодотворных отношений между церковью и светской культурой. С «Никеей этики», однако, социальное, «прикладное» христианство, предусмотренное Сёдербломом, осталось на уровне «известной сделки с жизнью, уступки или компромисса». Для Булгакова же творческое христианское и экуменическое вдохновение для человеческого сосуществования было возможно только на основе *догматической* Никеи (15).

Когда Булгаков резко осуждает «компромиссы» и даже говорит о «нашей эпохе с ее языческим натурализмом и человекобожеским гуманизмом» (107), необходимо учитывать, помимо экуменического движения, и более широкий исторический контекст 1937 года: сталинский террор в Советском Союзе и подъем фашизма в Италии и Германии. В то время, когда знакомые Булгакову Фриц Либ и Карл Барт были вынуждены оставить свои кафедры в Германии, его обвинения в «компромиссе с миром» были направлены не против современного секулярного мира как такового, а против тоталитарных политических систем («политических религий»), которые хотели либо уничтожить Церковь, либо использовать её в качестве инструмента. Более того, по мнению Булгакова, христианский национализм — это одно из крайних проявлений приспособления богословия к светской культуре. ⁵⁵ В его среде такое приспособление обычно описывалось как противостояние между христианством и «язычеством», между свободой и несвободой. ⁵⁶ Так, термин «секуляризация» в 1930-е годы имел ярко выраженные негативные или, по крайней мере,

54 Сергей Булгаков, *Средневековый идеал и новейшая культура* // Два града. Исследования о природе общественных идеалов, Москва 1911, 166.

55 См. критические замечания Антона Карташева, профессора церковной истории Свято-Сергиевского института в Париже, о пассивном сосуществовании православной церкви с национальными интересами: «Мы являемся зрителями не только церковной снисходительности и терпимости к морально несовершенным путям национальной политики, но прямого им услужения, вплоть до соблазнительного оппортунизма и сервизма». Антон Карташев, *Церковь и национальность* // *Путь* 44 (1934) 3–14: 7.

56 Christopher Stroop, “A Christian solution to international tension”: Nikolai Berdyaev, the American YMCA, and Russian Orthodox influence on Western Christian anti-communism, in: *Journal of Global History* 13 (2018) 188–208: 193; А. И. Михайлов, *Русская религиозная философия в «Пути»* (выпуски 1–2), СПб. 1992/1993, 52 сл.

амбивалентные коннотации и часто приравнивался к «язычеству», как, например, в заключительном абзаце булгаковского предисловия (19).⁵⁷

В то же время, булгаковское обвинение в компромиссе относилось и к церквям и христианам, которые позволяли использовать себя в политических целях. В частности, это касалось среды русской эмиграции, в которой некоторые православные архиереи в 1930-е годы разделяли идею свержения большевиков с помощью интервенции, поддержанной русской эмиграцией, и в этом смысле положительно или нейтрально реагировали на нападение Германии на СССР в 1941 году.⁵⁸

В то же время Свято-Сергиевский православный богословский институт также столкнулся с обвинениями в связях с масонством и иудаизмом из-за получения финансирования со стороны американской YMCA и англиканских церквей.⁵⁹ В этом отношении споры о софиологии следует рассматривать и в контексте таких движений, как преданные Гитлеру «немецкие христиане», монархическо-националистическое французское «Action française», осужденное Папой Пием XII в 1926 году, и русский фашизм в изгнании, перед лицом которого Булгаков и его друзья в 1930-е годы все больше подчеркивали свой христианский, экуменический универсализм.⁶⁰ Таким образом, софиология также служит для осмысления отношений между трансцендентной универсальной истиной Церкви и имманентной реальностью различных народов, включая иудаизм. В этом контексте важны такие высказывания Булгакова, как «это было уже совершающееся Бого-человечество в В<етхом> З<авете>

57 По мнению философа Николая Бердяева, крах всех теократий в эпоху Константина неизбежно привел к секуляризации как «требованию правдивости и свободы». Николай Бердяев, Царство Божие и царство Кесаря // Путь 1 (1925) 39.

58 Михаил Шкаровский, Русская Православная Церковь Заграницей и холокост, Санкт-Петербург 2016; <<https://www.rocorstudies.org/ru/2019/12/07/russkaya-pravoslavnaya-tserkov-zagranitsej-i-holokost/>>.

59 Catherine Baird, The “Third Way”: Russia’s Religious Philosophers in the West, 1917–1996, PhD, McGill University 1997, 439.

60 Например, когда «немецкие христиане» демонстративно не захотели участвовать в «World Conference on Church, State and Community» в Оксфорде в 1937 году и открыто осудили ее христианский универсализм. См. Николай Бердяев, „Kirche, Volk und Staat. Stimmen aus der Deutschen Evangelischen Kirche zur Oxforder Konferenz. Furche-Verlag. Berlin 1937“ [рецензия] // Путь 54 (1937) 74–76; ср. также Semën Frank, „Staat und Kirche in der östlichen Orthodoxie“ // Eine heilige Kirche 7/9 (1934) 244–250; А.И. Михайлов, Русская религиозная философия в «Пути» (выпуски 1–2). СПб 1992/1993, 37–65. Regula Zwahlen, What Is a “Healthy National Feeling”? Serge Bulgakov’s Response to Chaadaev’s Dispair // *Logos i ethos* 43, 2 (2016) 181–196.

ранее Боговоплощения» (80).⁶¹ Несмотря на то, что в целом позицию Булгакова по «еврейскому вопросу» сложно сформулировать однозначно, в его трудах есть перспективные примеры подхода к теме еврейско-христианского диалога.⁶²

В этом отношении, как считает Пол Вальер, софиология является частью «богословия культуры», которое Булгаков и его коллеги начали разрабатывать уже в начале XX века. По мнению Вальера, неудивительно, что такой мыслитель, как Булгаков в попытке построить мост между религией и современностью обращается именно к догматике и стремится к ее «живому усвоению».

«Чем, в конечном итоге, является догмат о воплощении Слова, если не мостом к миру? Следовательно, то, что зародилось как „спор факультетов“ между догматическим богословием и богословием культуры, иногда заканчивается в обогащающем обе стороны проекте догматического богословия для Церкви и мира (church-and-world dogmatics)».⁶³

-
- 61 В 1934 году Булгаков от имени всего коллектива Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже выступил в немецком журнале «Eine heilige Kirche» (7/9 (1934)) Фридриха Хайлера против «неудовлетворительного» способа изложения отношения «восточной Церкви» к еврейско-христианскому вопросу, предложенного новообращенным немецким православным Паулем Хэкке: «В этой статье дано выражение не принципиального отношения православия к еврейско-христианскому вопросу, как это должно быть догматически и практически определено, а фактического антииудаизма и даже антисемитизма на культурно-национальной основе». Известно, что некоторые православные эмигранты скрывали евреев во время Второй мировой войны, например, мать Мария (Скобцова) и священник Дмитрий Клепинин в Париже, которые были осуждены, погибли в немецких концлагерях и были канонизированы в 2004 году Константинопольским Патриархатом. Они были «духовными детьми» Булгакова.
- 62 Jonathan Sutton, Fr Sergii Bulgakov on Christianity and Judaism // *Religion, State & Society* 20, 1 (1992) 61–67; Rowan Williams, “Bulgakov and Anti-Semitism” // *id.* (ed.), *Sergii Bulgakov. Towards a Russian Political Theology*, Edinburgh 1999, 293–303; М. А. Колеров, Призывал ли о. Сергей Булгаков к еврейским погромам в 1920 году? // *Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 2008–2009*, 425–446; Dominic Rubin, *Holy Russia, Sacred Israel. Jewish-Christian Encounters in Russian Religious Thought*. Brighton MA 2010; Robert F. Slesinski, “On the Question of Sergius Bulgakov’s “Anti-Semitism”: The Report of a Devil’s Advocate” // *id.*, *The Theology of Sergius Bulgakov*, New York 2017, 251–259; Inga Leonova, *Christianity and the Jewish Question* // *The Wheel* 26/27 (2021) 73–79.
- 63 Paul Valliere, *Theology of culture in late imperial Russia*, in: Mark Steinberg, Heather Coleman (eds.), *Sacred Stories. Religion and Spirituality in Modern Russia*, Bloomington 2007, 391.

Согласно российскому богослову Наталии Вагановой, «значение софиологии Булгакова в интеллектуальной истории XX века невозможно переоценить. Сама дерзновенная попытка русского мыслителя, стремившегося в своей философско-богословской системе разрешить фундаментальные антиномии бытия и в конечном софиологически нерушимо связать мир с Богом — в эпоху мировых катастроф и распада всех и всяческих связей, — представляется духовным подвигом огромного и пока неоцененного исторического значения».⁶⁴

Об этом издании

О. Сергей Булгаков написал эту книгу о Софии Премудрости Божией, чтобы представить основные линии своей софиологии западной читательской аудитории. Английский перевод, выполненный пастором Патриком Томпсоном, пастором О. Филдингом Кларком и Ксенией Брайткович, был опубликован в Нью-Йорке в 1937 году.⁶⁵ Французский перевод Константина Андроникова появился в 1983 году. Версия оригинального русского текста была издана Диком Верхоефом в 2010 году небольшим тиражом в одном польском издательстве. Не снабженная научным аппаратом публикация Верхоефа основана на машинописи, предоставленной ему Борисом Бобринским, тогдашним директором Свято-Сергиевского Института. Очевидно, машинопись была исправлена и дополнена самим Булгаковым, что, по свидетельству Льва Зандера, соответствовало обычной манере работы, свойственной Булгакову.⁶⁶ В архиве Свято-Сергиевского Института в Париже, помимо машинописи, хранится оригинальная рукопись Сергея Булгакова, которую расшифровал Алексей Козырев. Сравнение рукописи и машинописи, проведенное Ксенией Бабковой, выявило интересные отклонения и позволило получить дополнительную информацию о генезисе текста. Учитывая спорный статус софиологии, мы придаем большое значение максимально точному воспроизведению текста.

64 Наталья Ваганова, *Софиология*, 9.

65 В 1934 и 1936 годах Сергей Булгаков совершил две поездки к представителям Епископальной церкви в США для сбора средств для Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже. Сергей Булгаков, *Автобиографические заметки*, Париж 1946, 114–135.

66 Лев Зандер, *От редактора // Прот. Сергей Булгаков, Апокалипсис Иоанна (Опыт догматического истолкования)*, Париж 1948, 5.

Мы решили издать книгу на двух языках — русском и немецком, поскольку до сих пор не существует снабженного необходимым научным аппаратом издания на русском языке. Немецкий перевод, выполненный Ксенией Вернер, основан на вышеупомянутой машинописи и был впоследствии адаптирован редакторами в соответствии с результатами сравнения с рукописью. Опубликованный нами русский текст также основывается на этом сравнении с указанием соответствующих расхождений:

- Расхождения между рукописью и машинописью указываются в двойных квадратных скобках [[...]] с пояснительной сноской. Если нет сносок, слово в скобках находится в рукописи.
- Важные слова и фрагменты, которые присутствуют в рукописи, но были удалены Булгаковым впоследствии, приведены в основном тексте в квадратных скобках [...].
- Слова, которые Булгаков добавил от руки в машинопись, подчеркнуты сплошной линией.
- Пунктирной линией отмечены фрагменты, которые он удалил из машинописи.

Текст снабжен двойной системой примечаний: сноски с обычной нумерацией относятся как к редакционным примечаниям, так и к примечаниям самого Булгакова. Вторая нумерация, которой предшествует звездочка, относится к разделу примечаний в приложении к книге, которое было написано и отредактировано Алексеем Павловичем Козыревым и Регулой Цвален, Ксенией Бабковой, Дмитрием Бирюковым и Иваном Ильиным.

Приложение также содержит тезисы к докладу о софиологии в Мирфильде (1936), библиографию вторичной литературы, использованной Булгаковым, библиографию материалов по «спору о Софии», а также протоколы семинара по Софии, проведенного Булгаковым в Париже в 1928 году, составленные участницей семинара Валентиной Зандер.

Как правило, латинские и греческие фразы, а также выражения на других языках, цитируются Булгаковым на языке оригинала. Мы также унифицировали библейские цитаты. Неточно приведённые цитаты исправлены, в отдельных случаях добавлены цитаты, отсутствующие в работе Булгакова.

Мы благодарим Алексея Козырева за плодотворное сотрудничество в подготовке примечаний и за разрешение использовать результаты его кропотливой предварительной работы для публикации русского текста. Мы выражаем искреннюю благодарность Ксении Бабковой, Дмитрию

Бирюкову, Ивану Ильину и Дарио Коломбо за сотрудничество в выполнении различных заданий, связанных с редактурой. Сотрудничество с издательством «Aschendorff Verlag Münster» вновь было дружественным и компетентным — большое спасибо!

Желаем Булгакову и его книге заинтересованных читателей,
а читателям — стимулирующих открытий!

Фрибург, 8 октября 2025, День памяти Сергия Радонежского

Барбара Халленслебен и Регула М. Цвален

Перевод на русский язык: Иван Ю. Ильин

